

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ  
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ  
«ПОЛОЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ  
В КОНТЕКСТЕ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ**

*Международный сборник научных статей*

**Новополоцк  
ПГУ  
2013**

*В.А. Гембицкая (Полоцк, ПГУ)*

### СТРАХ В РОМАНЕ НОРМАНА МЕЙЛЕРА «НАГИЕ И МЕРТВЫЕ»

Спустя три года после завершения Второй мировой войны в США вышел роман «Нагие и мертвые», который принес 25-летнему Норману Мейлеру славу и признание. Роман описывает вымышленную тихоокеанскую операцию вооружённых сил США против японских войск с целью освобождения острова Анапопей. Одновременно в произведении происходит глубокое осмысление существования человека и в процессе размеренной жизни, и в ситуациях «или-или», иллюстрируется подлинность и неподлинность жизненного выбора, рисуются человек экзистенциальный и человек экзистирующий.

Первая часть романа («Wave», что переводится как «подъем волны») композиционно связана с последней («Wake», что вбирает в себя игру значений «след от волны» и «последствия»), рисунок подъема-спада становится еще более очевидным, если учесть, что экзистенциальным испытанием для разведгруппы стала безуспешная попытка покорить гору Анака. На эту кривую линию переживаний нанизаны картины военных действий и армейских будней. Неудивительно, что психические состояния выписаны мастерски – автор сам принимал участие в Филиппинской операции, имевшей место в конце Второй мировой. Особое место в романе «Нагие и мертвые» принадлежит страху как одной из доминирующих эмоций.

Страх на протяжении истории человечества осмысливался по-разному. Его сущность определялась через включение в оппозицию с атараксией (натурфилософский период античной мысли), с мужеством и героизмом (классический период античной философской мысли), с надеждой (эпоха Просвещения). У шотландского философа Дэвида Юма находим: «Достоверное событие породило бы печаль или радость, а вероятное или недостоверное – страх или надежду» [1, с. 13]. Людвиг Фейербах называет страх перед неизвестным единственной причиной религии. Георг Гегель рассматривает страх как одно из условий развития бытия, таким образом, страх и бытие взаимообусловлены. Мартин Хайдеггер считает страх «активной, фундаментальной настроенностью человеческого бытия, средством познания человеком собственной экзистенции» [1, с. 53]. В современной психологии страх – это эмоциональный процесс, «психическое отражение в форме непосредственного переживания жизненного смысла явлений и ситуаций, обусловленного отношением их объективных свойств к потребностям субъекта» [2, с. 166]. Причиной страха является реальная или воображаемая опасность. Страх имеет амбивалентную сущность, так как, с одной стороны, его без сомнения относят к негативным эмоциям, а с другой, «страх также связан с выживанием и наряду со стыдом способствует регуляции разрешительной агрессивности и утверждению социального порядка» [2, с. 166].

Текст романа «Нагие и мертвые» буквально пестрит словами, выражающими тревогу, испуг, страх, ужас, и производными от этих слов. Опосредованно страх показан через натуралистичное описание его физиологических проявлений: изменения мимики, увеличения частоты сердцебиений, расширения зрачков, усиления потоотделения, снижения тонуса мышц желудочно-кишечного тракта и так далее. С первой страницы романа автор погружает читателя в атмосферу длительного и тягостного ощущения беспокойства через описание бессонницы и всеобщей раздражительности, чуть позже, во время непосредственного столкновения с опасностью и смертью, Норман Мейлер неоднократно зарисовывает переживания внезапного, парализующего страха и ужаса, когда герои его произведения не отдавали себе отчет и с изумлением обнаруживали, что, например, выкрикивают какие-то фразы (неистовое «я сдаюсь!») и «прекратите!» Роя Галлахера, «не надо!» Хеннеси, «Боже, спаси меня, ты должен спасти меня!» Минетты, неконтролируемый крик лейтенанта Роберта Хирна). Людей ужасала вероятность физической и нравственной смерти, пугала жестокость командиров, пугали дикие джунгли, огромные открытые пространства вселяли в них неуверенность, некоторых постоянно мучил страх божественного наказания за слабость воли, людей выводило из равновесия то, что они находятся под пристальным наблюдением противника. Самое главное, что их пугало будущее («Даже если они уцелеют и вернуться домой, лучше не будет. Что произойдет, если и удастся когда-нибудь уволиться из армии? И вне ее рядов будет то же самое»). Их пугала свобода, пугал выбор, пугала ответственность, которую неизбежно придется нести за свой выбор... С другой стороны, в испытании страхом происходила и мобилизация физических и душевных сил. У человека появлялась реальная возможность познать самого себя.

Концепция Хайдеггера делит страх на страх-боязнь, который характеризуется сумятицей, и страх-ужас – «оцепенелый покой, когда можно хладнокровно рационализировать» [1, с. 58], именно ужас подводит человека к пограничной ситуации, когда он осознает свою экзистенцию, проверяется на человечность. Кстати, Норман Мейлер называет свой роман «Нагие и мертвые» символичным, подчеркивая, что главной темой в нем выступает «борьба между животным и провиденческим в человеке» [3, с. 507]. Писатель подводит своих героев к совершению морального выбора, обнажая их сущность, стремление к активному выражению своей позиции, к самоутверждению и самовыражению, способность к состраданию, готовность к самопожертвованию. Так, в фокусе произведения оказываются и истории жизни, и

истории из жизни людей, и эти истории занимают в произведении больше места, чем описание военных действий. Герои романа – выходцы из различных слоев общества, представители разных национальностей. Используемый автором прием «машины времени», который напоминает кинематографический принцип монтажа, позволяет проанализировать жизнь солдат и офицеров до и во время войны. Жизнь до войны у героев – это часто либо борьба за выживание, либо просто бесцельное времяпрепровождение. Вспоминая знаменитый эксперимент физиолога И.П. Павлова, Норман Мейлер начинает повествование о мексиканце Мартинесе, которого сначала пугал звук разрывающегося снаряда, потом «любой неожиданный звук вызывал в нем страх и панику». Писатель показывает, что сильный физически мексиканец оказывается слабым духовно. С детства Мартинес осознает свою неполноценность, так как маленький мексиканский мальчик «никогда не станет белым протестантским парнем, твердым и решительным». Его жажда легкой наживы, боязнь ответственности, точная исполнительность приказов, слепое повиновение тому, кто наградит его пусть даже мелким признанием, уходит корнями в неуверенность и ощущение себя второсортным человеком. Безропотно воспринимает все христианин Риджес, не столько из-за религиозного мировоззрения, сколько из-за того, что чувство страха у него попросту атрофировалось: «бури и штормы занимали особое место в его жизни; сначала он боялся их, потом научился мириться с их неизбежностью и принимать как должное». Еврей Джо Голдстейн хотя и убежден, что рожден страдать, но постоянно думает о семье, которая для него являет собой смысл жизни, поэтому, несмотря на страх и постоянные обиды, он «держится на ногах крепко» и «идет навстречу ветру». Ред Волсен с шахт Монтаны впервые на войне осознал, что сильно скучает по дому и семье, хотя до этого родной дом воспринимался им как неудобное место, где каждый чувствовал себя чужим по отношению к другому.

Миннета из обеспеченной семьи вообще не мог принять «чертову жизнь, когда не чувствуешь себя в безопасности». Страх перед перспективой снова отправиться на фронт вселил в него «приятные» (!) мечты о том, как бы остаться без ноги, в конце концов, заставил его притворяться душевнобольным.

Кажется, что исключением в романе выступают бесстрашные сержант Сэм Крофт из Западного Техаса и генерал Эдвард Каммингс. Стержнем их мировоззрения «становится философия Ф. Ницше и ее основные концепты: Сверхчеловек, воля к власти» [4, с. 31]. У Сверхчеловека нет никаких иллюзий, он умеет жить в бессмысленном мире, манипулировать слабыми, постоянно усиливая свою власть. Генерал Каммингс понимал, что «страх, который они [подчиненные] испытывали перед ним, уважение, которым он пользовался, были осмысленными, основанными на признании его силы и власти, возможности наказать их, но этого было недостаточно», он грезил о страхе, «заставлявшем считать неповиновение ему святотатством». На самом деле, сержант по-настоящему пугался – хотя и старался не подавать виду – когда видел, что солдаты пытаются ему перечить и оказать сопротивление. Генерал боялся проявлений характера своего адъютанта лейтенанта Хирна, неповиновение которого он расценивал, как «если бы на него поднял руку солдат». Эдвард Каммингс был убежден в единой природе организации общества и армии, которые идеально могли функционировать только, если «вы боитесь человека, стоящего над вами, и относитесь презрительно и высокомерно к подчиненным».

Для нонконформиста Роберта Хирна наивысшей ценностью оставалась свобода, он боялся стать таким же, как Крофт и Каммингс, хотя чувствовал, что подсознательно ему все же нравится и хочется играть судьбами людей. Как только идеалист Хирн полностью осмыслил эти внутренние желания, он ощутил «острое и глубокое отвращение к самому себе, состояние, близкое к шоку: слабость, душевная боль и страх», для лейтенанта истинные человеческие ценности не утратили своего значения, для себя он решил не отступать от высокой морали. Хирн был убит вследствие предательства аморального сержанта Крофта, который жаждал стать командующим в данной разведоперации, для него разведка и покорение горы были вызовом самому себе, он ощущает страх, инстинктивно чувствуя, что выполнение этой задачи приведет к самопостижению. Во время подъема в гору солдатам и самому Крофту пришлось пережить нечеловеческие испытания, «они были лишь сосудами, до краев наполненными страданием». Гнездо шершней заставило повернуть обессиленных людей назад, Крофту не удастся покорить гору, он погружается в отчаяние. Эндрю Гордон, изучавший роман «Нагие и мертвые» в психоаналитическом русле, считает, что «напрасная и тщетная попытка взобраться на гору Анака была вызвана иррациональной потребностью во всемогуществе» [5, р. 63], а пик горы символизирует не что иное, как отцовскую власть. Проблемы с отцом читатель романа наблюдает у генерала Каммингса. Так, философско-эстетические взгляды Нормана Мейлера формировались под влиянием идей Ницше и Фрейда, «поэтому, с одной стороны, писатель предупреждает об антигуманности и опасности подобных теорий для личности и для общества, а с другой – объясняет их особенностями биологической природы человека» [6, с. 7].

Миссия разведыводом не выполнена, после спуска с горы изможденные солдаты узнают, что их разведывательная операция, которая унесла жизни людей, вообще была нецелесообразной, и без нее исход был предрешен: случайно был застрелен японский генерал Тойаку, и японцы давно уже сдались. Страх и горе способствуют сближению людей, так, бессмысленный подъем на гору, помог солдатам узнать друг друга. Высокоморальный, способный к самопожертвованию еврей Голдстейн, который по-

стоянно терпит нападки из-за расовых предрассудков, в конце обретает друзей. При этом попытки сопротивления генералу Каммингсу и сержанту Крофту не заканчиваются успехом, не находя широкой поддержки. Срабатывает викарное подкрепление: солдаты боятся наказания, забыв, что происходило с теми, кто пытался ослушаться. Таким образом выкристаллизовываются деструктивные и конструктивные свойства социального страха.

Для американских войск, высадившихся на остров Анапоей, эта гора Анака являлась одновременно маяком ориентира и пугающим великаном. Вообще, гора представляет собой древний архетип: «возвышаясь над местностью, владея господствующей там высотой, человек получал определенное превосходство над теми, кто оставался внизу, взирая на них буквально сверху вниз» [7, с. 104]. Пусть подъем в гору разведывающего, даже эпизод встречи солдат с шершнями частично автобиографичен, о чем Норман Мейлер рассказывает в своем интервью 2004 г. [8], но восхождение на Анаку – это не просто преломление собственного опыта автором и не просто воссоздание похожего ландшафта, но, несомненно, символично и связано с духовными исканиями героев произведения. Между прочим, модель иерархии отношений в армии также имеет геометрическую форму пирамиды-горы. Амбициозное желание генерала Каммингса взойти на вершину власти в армии, а сержанта Крофта взойти на вершину Анаки сопровождалось угнетением индивидуальности всех их подчиненных, ведь человек (или Сверхчеловек) на вершине горы, или на вершине пирамиды-армии, или на вершине пирамиды-общества волен воплощать все свои идеи. С одной стороны, путь-возвращение на исходную или отправную точку в пространстве романа олицетворяет абсурдность бытия, но, с другой стороны, в четырехмерном континууме, где к трехмерной системе координат пространства добавляется время, главной характеристикой которого является анизотропность, бессмысленный путь-возвращение превращается в путь-развитие, в любом случае движущийся только вперед. Эта дорога – путь душевных и физических переживаний, через которую человек возвращается к самому себе. Солдат Рот, которому «казалось, что он находится на пороге глубокого понимания самого себя, на пороге каких-то таинственных открытий, как будто обнаружил в однообразном и ровном течении своей жизни неведомые доселе бухточки и мосты», срывается в пропасть от бессилия, повергая в ужас сослуживцев, и не успевает полностью пережить экзистенциальный момент обретения самого себя. Некоторым солдатам все же открывается подлинное существование, спокойно-трагическое для глубоко религиозного Голдстейна и безнадежно-трагическое для, например, потерявшего веру в Бога Риджеса («Какой же это бог, если в конце концов он всегда обманывает тебя? Обманщик и насмешник!»). Ред Волсен с шахт Монтаны впервые на войне осознает мощную силу, гармонию и нравственное начало дома и семьи, такой чужой для него ранее.

Страх часто делал солдат беззащитными. Осознание (через страдание и страх перед смертью) абсурдности бытия размывало жизненные ориентиры и открыло им истину: люди неспособны противостоять действительности и беззащитны перед случайностью, они обнажены перед будущим, перед жизнью вообще. Участвовавшие в операции на острове Анапоей разделились на две группы: мертвые и живые.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Андрусенко, В.А. Социальный страх (опыт философского анализа) / В.А. Андрусенко. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. – 172 с.
2. Карпов, А.В. Общая психология: учебник / под общ. ред. проф. А.В. Карпова. – М.: Гардарики, 2005. – 232 с.
3. Андреев, Л.Г. Зарубежная литература XX века. Учебное пособие / Л.Г. Андреев, А.В. Карельский, Н.С. Павлова [и др.]; под ред. Л.Г. Андреева. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2004. – 559 с.
4. Бутырчык, Г.М. Асоба і грамадства ў рамане Н. Мэйлара «Безабаронныя і мёртвыя» // Веснік БДУ. Сер. 4. Філалогія, журналістыка, педагогіка. – 2007. – № 1. – С. 28 – 34.
5. Gordon, A. An American Dreamer: A Psychoanalytic Study of the Fiction of Norman Mailer / A. Gordon. – Madison: Fairleigh Dickinson Univ Press, 1980. – 234 p.
6. Шлямович, Л.А. Творческая эволюция Нормана Мейлера: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.01.05 / Л.А. Шлямович. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 24 с.
7. Морозов, И. Основы культурологии. Архетипы культуры / И. Морозов. – Мн.: «ТетраСистемс», 2001. – 608 с.
8. Norman Mailer Interview: Living a Literary Life *Academy of Achievement* (Chicago, Illinois), 12 June 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.achievement.org/autodoc/page/mai0int-1>. – Дата доступа: 12.02.2011.

*В.А. Радзиеўская (Мінск, БДУ)*